

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Степановой Марины Анатольевны на тему:

«Психотехнический подход к практической психологии образования: школа П.Я. Гальперина» на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности: 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии

Как известно, история науки (речь идет о «писанной» истории) – форма ее развивающегося самосознания. Поэтому она обречена на то, чтобы заново писаться и переписываться. В отечественную психологию после некоторой паузы возвращается самосознание, причем в своей расширенной форме. И историки психологии из «летописцев» превращаются в «расширителей» сознания науки. История науки как форма теоретической рефлексии научного знания сегодня именно в таком виде.

Примечательно, что год назад на заседании этого же совета сказанное подтвердилось на защите докторской диссертации Елены Евгеньевны Соколовой. Сегодня ее эстафету подхватывает Марина Анатольевна Степанова. Наперед замечу: есть все основания ожидать, что и результаты окажутся сходными.

Хрестоматийно известен диалог Ж. Пиаже с П.Я. Гальпериним на Международном психологическом конгрессе в Москве 1966 г. Пиаже тогда сказал Гальперину: я занимаюсь тем, что есть, а вы – тем, что может быть. Признание дорогое. Ведь даже исследуя наличный мир человеческой мысли, Пиаже через условия формирования действий, который он задавал, *реконструировал* его генез. (Что ж, как писал Сартр, «человек есть то, что он не есть», т.е. уже в плане наличного бытия). В своих экспериментах Пиаже именно вызывал «феномены Пиаже», а не ждал, откуда природа, на которую

он переключал ответственность, милостиво подскажет ребенку путаницу количества с формой. Пиаже был *реконструктором*, а Гальперин – *конструктором* в психологии.

И в этом смысле, с одной стороны, неудивительно, а с другой – поразительно (и этим мы обязаны М.А. Степановой), что Петр Яковлевич, непосредственно не работавший с Л.С. Выготским, максимально полно и ярко выразил суть психотехнического подхода в психологии, в частности, в педагогической психологии, включая ее практические приложения.

Кстати, о «практических приложениях». Выготский (см. «Исторический смысл психологического кризиса») считал, что в них новая теоретическая психология начинается, а не «заканчивается». Именно так смотрел на психотехнику сам Л.С. Выготский, а до него - философ-финляндец и психолог Гуго Мюнстерберг. Вот формулировка из 1 тома «Основ психотехники» Мюнстерберга: «Мы говорили до сих пор только о применении психологии, совершенно не входя в рассмотрение вопроса, который, казалось бы, следует решить прежде всего, а именно вопроса о том, что мы вообще будем понимать под психологией. Трудно было бы сказать, что мы должны ожидать от применения психологии, пока само применяемое в его своеобразии не является для нас ясным и определенным. Но едва ли могут быть сомнения в том, что этой ясности совсем нет в определении задач современной психологии».

Содержание психологического знания открывается на стадии его применения, а не в искусственных лабораторных условиях или в процессе «кабинетного» примысливания. В объективной реальности человеческой жизни, которую нужно как-то «утроить», как-то «организовать». Этим в исторических формах занято общество, но сделать это оно может и руками психолога. Психотехника – это способ конструирования психологического знания и (прав Мюнстерберг) определения современной психологии. Практика жизни человека 21 века в смешанной реальности это воочию подтверждает.

А психотехника предполагает особую «общую психологию» (в смысле Л.С. Выготского), на базе которой могут выстраиваться разнообразные образовательные практики. В этом главная мысль фундаментальной работы Марины Степановой. Под этим углом она и переосмысливает общепсихологическое наследие П.Я. Гальперина, «конструктора» и психотехника.

П.Я. Гальперин мыслил психологию как объективную науку о субъективном. Или как науку об объективности субъективного. Будучи врачом-психоневрологом по образованию, но одновременно и участником Харьковской группы психологов во главе с А.Н. Леонтьевым, он стремился осмыслить эту объективность в логике, принципиально отличной от естественнонаучной. И искал метод, который позволял бы воссоздать психологу объективную реальность изучаемого не так, как это делают физики, химики, биологи. А именно на них ориентировались психологи, всякий раз притязая на «объективность». Да и не притязая...

Внешнее предметное действие, даже мы если мы избираем его просто в качестве отправного пункта для погружения куда-то глубже, - не уплощение, не упрощение ли это предмета психологии? Вопрос этот вытекает из уверенности, что во внешнем действии психологии «меньше», чем во «внутренней» мысли или переживании. А уверенность – из стихийного, не отрефлексированного даже на картезианский лад, априорного дуализма, расщепления человека на «духовное» и «телесное», последнему из которых он - уже якобы не хозяин. А между тем, слепоглухой ребенок гладит своей левой ручкой правую – в похвалу за то, что ей удалось решить простенькую задачу (реальные наблюдения в знаменитом Загорском интернате). Дуалист в этом не разглядит работы самосознания, в форме, единственно доступной таким детям, – в лучшем случае, павловское «условное подкрепление». И наоборот, не примет во внимание даже то житейское соображение, что «внутренний мир» может быть абсолютно «пустым».

«Идеальный план», по П.Я. Гальперину – это не репродукция свернутых до схематизма внешних действий разного уровня. Ведь через эти действия совершается поиск, ориентировка, опробование, планирование, контроль – все, что позднее «уйдет в идеальный план». Добавлю: не говоря уже о том, что они *выразительны*, а частью и *изобразительны*, т.е. обращены к другому человеку, даже если он и ты – одно лицо. И «идеальный план» - это не потаенный чулан, который заранее приготовили для того, чтобы складировать «утрамбованный» опыт внешних действий. В них, как подчеркивал Гальперин, идеальный план впервые возникает, формируется, строится. Строится не чулан, а «дом психики».

И никаких «стимулов – реакций» снаружи. Потому что для *строительства из материала внешнего мира отбирается только то, что можно преобразовать*. Для этого ситуацию нужно взять «под контроль» *внимания*, которое, в свою очередь, «под контроль» берет субъект. А он (в данном случае) и рождается, и обнаруживает себя в качестве «контролера внимания». Все по Гальперину, и «против» бихевиоризма. Уже на стадии «предъявления стимула». Которого просто не существует. Дальше – больше. *Преобразовать* - «перевести во-образ», *вообразить*, по словам Э.В. Ильенкова (к слову, с Петром Яковлевичем они были дружны). А активность в идеальном плане, который ею же и творится, невидимое преобразование – акт воображения – «реакцией» не назовешь. И «поймать» на «латентном бихевиоризме» П.Я. Гальперина не получится. Наоборот, теория Гальперина – одна из самых убедительных побед над бихевиоризмом, которую «просмотрели» историки психологии.

У любой техники есть своя инфраструктура. Не стоит опасаться утилитаризма. Слово «техника» происходит от древнегреческого τέχνη, что означает «мастерство», «умение» и даже, как обоснованно напоминает Мартин Хайдеггер в статье «К вопросу от технике», «искусство».

Что является инфраструктурой психотехники? М.А. Степанова дает ответ, который я излагаю своими словами: это разного рода «Гальперинские»

ориентировочные основы действия. Они объективно существуют в культуре, часто являют себя спонтанно и неочевидно. Знаки, намеки, подсказки, чужие действия, на первый взгляд, безразличные к вашим, – все это потенциально может стать ООД (правда, далеко не всегда становится даже в типовых условиях). Можно сказать, что из них состоит культура как навигатор жизнедеятельности человека. Но увидеть в ней такой навигатор и произвольно избрать его для построения своих действий – особая задача. Даже когда мы не говорим о III типе ориентировки по Гальперину. И Петр Яковлевич сумел выстроить в логике ориентировочных основ поле человеческих действий. Собственно, этому посвящено все его научное творчество. В этом его фундаментальный вклад в психологию как психотехническое знание и практику, который сумела блестяще раскрыть М.А. Степанова.

Нельзя не отметить, что в работе М.А. Степановой мы находим своего рода «энциклопедию развивающего образования», составленную с позиций П.Я. Гальперина и его школы, которые оказываются значительно шире, чем может показаться на первый взгляд.

И самое главное – в диссертации П.Я. Гальперин предстает как психолог 21 века, как действующая фигура в развитии новейшего психологического знания. А школа Гальперина остается «студией» современной психологии.

Одна из заслуг автора – методологическое сближение П.Я. Гальперина и Л.С. Выготского. В этом автору нередко отказывали («классический», но зыбкий аргумент – понятие «интериоризация» у них про разное). Хотя методологическая близость (если не сказать – родство) была очевидна еще во второй половине 1930-х гг. Прежде всего, я имею в виду кандидатскую диссертацию Петра Яковлевича «Психологическое отличие орудий человека от вспомогательных средств животного» (1937) и его доклад «Учение о памяти» (1938).

В ходе ознакомления с материалами диссертационного исследования М.А. Степановой у меня возник единственный вопрос. Как психотехнический подход в развивающем образовании соотносится с тем, который уже стало привычно называть проектным? Два термина, обозначающие разное, но сопредельное? Одно и то же, но указывающее на его разные специфические характеристики?

Мой вопрос никак не снижает значимости исследования, тем более, что ответ на него исподволь содержится в тексте работы.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии, а также критериям, определенным п.п. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова; диссертационная работа оформлена согласно приложениям № 5 и 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Степанова Марина Анатольевна заслуживает присуждения ученой степени доктора психологических наук по специальности: 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии.

Официальный оппонент:

Доктор психологических наук, профессор,
Ведущий научный сотрудник
лаборатории культурно-исторических
моделей образования Института среднего
профессионального образования
Московского городского педагогического
университета, профессор Дирекции образовательных
программ МГПУ

В.Т. Кудрявцев

Адрес места работы, название организации: 129 226 Москва, 2-ой
Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1, Московский городской
педагогический университет

Рабочий e-mail: KudryavcevVT@mgpu.ru

Рабочий телефон: +7 (495) 351-40-30